

логию мысли Кампе о том, что истинно чувствительный человек склонен «к таким чувствованиям, в которых есть нечто нравственное». Русский автор рассматривает эту проблему применительно к искусству, напоминая, что «польза и важность литературы» состоит, в частности, и в том, что она настраивает «к тем нежным страстям нравственности, которые были и всегда будут главным источником земного блаженства».³⁹

Таким образом, сочинение Кампе в русском переводе органично вошло в контекст нашей отечественной словесности, затронув темы, живо волновавшие русских литераторов-сентименталистов. При этом слово «причуждливость», которым русский переводчик передал немецкое «Empfindelei», оказалось не очень удачным эквивалентом: во всяком случае, оно не было принято в русском языке в таком значении. Чаще всего стали употреблять выражение «ложная чувствительность». Наконец, когда получило распространение слово «сентиментальность», оно-то постепенно и заменило собой то, что немцы называли «Empfindelei».

В 1800-е гг. борьба с ложной чувствительностью становилась все ожесточеннее, причем участниками ее опять-таки выступали писатели-сентименталисты или авторы, отдавшие дань этому направлению. Рецензируя перевод книги «Елисавета де**, или История россиянки», П. И. Макаров хвалил сочинительницу за то, что она «писала без всякого требования на ученость, на метафизику, на скучную площадную мораль и на чувствительность».⁴⁰ Критик с одобрением отнесся к тому, что персонажи книги — «не Селадоны, иссохшие от слез и которым замаранная крестьянская девка в грязных онучах кажется пастушкой благословенной Аркадии». «Здесь люди такие, — с удовлетворением отмечает Макаров, — каких можно видеть всякий день!»⁴¹ Рецензия Макарова отчасти соотносится с критикой сентиментализма со стороны его традиционных противников — И. А. Крылова и его сподвижников. И в этом была своя закономерность: ложная чувствительность нередко оказывалась внешне очень похожа на истинную, которой Муравьев, Карамзин и тот же Макаров так дорожили.

При разграничении настоящих художников и их эпигонов важным критерием стало определение характера их чувствительности. В помещенной в «Русском вестнике» рецензии на «Книжку для моей Лизы» (1808) критик проницательно заявлял: «Не спрашивайте, что такое *курающийся фимиами чувствительности*? Такими непонятными выражениями наполнено много новых сочинений и переводов. . .»⁴² Утверждая, что «истинное чувство изъясняется просто и вразумительно», рецензент приводил при этом в пример песню «Вечор милая сидела под кустом у ручейка. . .» — песню

³⁹ Там же. С. 145.

⁴⁰ Московский Меркурий. 1803. Ч. 2. С. 43. Курсив мой. — Н. К.

⁴¹ Там же.

⁴² Русский вестник. 1809. Ч. 7, июль. С. 112.